

МАША ТРАУБ

Чужой ребенок

Маша Трауб
Чужой ребенок

«ЭКСМО»

2015

Трауб М.

Чужой ребенок / М. Трауб — «Эксмо», 2015

Чужих детей не бывает. Ни на улице, ни в детской песочнице, ни на горке.
Если с велосипеда падает чужой, не твой, ребенок, то все равно будет больно.
Можно ли полюбить чужого ребенка как своего? Нужно. Тогда эта любовь
вернется. Маша Трауб

© Трауб М., 2015
© Эксмо, 2015

Маша Трауб

Чужой ребенок

© Трауб М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Скандалы, бесконечные скандалы. Лариса уже забыла, когда нормально разговаривала с сыном. Все на крике. Когда он был маленький и только начинал ходить, Лариса как-то пожаловалась Даше – вынужденной подруге по детской площадке:

- Вот исполнится два года, отлуплю.
- Почему в два года? – перепугалась Даша.
- После двух лет можно, – сказала Лариса.

Даша подхватила ведерки, совочки и убежала. Лариса тогда подумала, что она одна такая – жестокая. Неправильная. Надо быть доброй, разумной и терпеливой. А она? У нее прямо руки иногда чесались – дать хорошенько Даньке по заднице, чтобы замолчал.

Он рос сложным ребенком – орал без конца. Устраивал истерики. Делал назло. При этом не вылезал из болезней. Бронхит, энурез, панкреатит, загибы, перегибы, отиты, гаймориты, нарушение сна... Лариса так привыкла, что уже не пугалась. Врачи, таблетки. Много таблеток. Доктора ее хвалили – очень дисциплинированная мама. Что говорят – все делает и не пристаёт с вопросами: «А что, а почему, а точно?»

– Сходи еще куда-нибудь. Перепроверь. А вдруг ошиблись? – пугалась Даша, когда она рассказывала про очередной диагноз, поставленный сыну. Даша впадала в панику даже из-за соплей дочки. А когда делали прививки, чуть в обморок не падала. Даша смотрела на Ларису с ужасом и восхищением.

– Я ничего в этом не понимаю, я же не врач, – говорила Лариса и покупала очередной пакет лекарств.

– Но это же свое, родное. Так страшно! А вдруг чего? Лекарства же вредны... в таких количествах, – лепетала Даша.

– Ничего, вырастет, все вырастают. Вспомни, как мы росли, – говорила Лариса.

Как она ненавидела эти прогулки! Однако гуляла по часам – два раза в день. Дашу она просто видеть не могла. Но деваться было некуда – загаженная лесополоса из пяти деревьев, песочница, пропахшая собачьей мочой, скрипящие в истерике качели, ржавая железная горка-убийца. Даша просто заходила, когда ее Ритуля залезла на эту горку.

– Спусти ее, а я снизу подхвачу, – подсказывала Даша и кидалась к горке.

Лариса спускала Ритулю, Даша с криками: «Бу-бух, ух, поймала мою деточку» – подхватывала дочку. Ларису тошнило от этих материнских причитаний: «Бо-бо, где бо-бо поцелу-поцелу, у кошки заболи, у мышки заболи, а у Риточки пройди», «Фу, кака, фу, Ритуля».

– Даш, она же не собака, зачем ты ей «фу» говоришь? Не можешь нормально сказать? – злилась Лариса.

– Так она же маленькая, – не понимала Даша. – Данюсик, иди кач-кач.

Ларисе с Дашей было удобно. Она со своей зашкаливавшей материнской любовью играла и с Данькой – качала его на качелях, лепила куличики, кружила. Брала его на руки и подбрасывала. Ловила и опять подбрасывала, Данька счастливо хохотал и просил еще. Подбегала Ритуля и тоже просилась «полетать». Даша подбрасывала дочку. Данька начинал рыдать.

– Ларис, поиграй с ним, – говорила Даша, – он же плачет.

– Поплачет и перестанет. Я не могу. У меня спина болит, – отвечала Лариса.

Она сидела на лавочке и курила. Нет, она пробовала – и играть, и сюсюкать. Но не получилось. Как будто слышала и видела себя со стороны – бред какой-то.

– Ну что ты его все время дергаешь? – иногда вступалась за Даньку Даша. – Знаешь, я тут читала в одном журнале, что мальчиков нужно даже больше целовать, чем девочек. Тогда у них в будущем не будет комплексов с девочками. Ну, ты понимаешь.

– Он должен знать, что в жизни может рассчитывать только на себя! – отрезала Лариса.

– Знаешь, я не могу как ты. Я тоже иногда так устаю, когда Ритуля капризничает. А вчера, представляешь? – Даша округлила и без того круглые пустые глаза. – Шлепнула ее по попе. Я ей говорю: не тяни в рот, грязное, а она тянет. Я рассердилась. Так мы вместе потом плакали. Я себя такой виноватой чувствовала. Даже уснуть не могла. Она же маленькая, не понимает, не виновата. А я ее отшлепала.

– Да ладно, Даш, не переживай. Мне врач одна сказала, что с детьми надо как с цирковыми животными. Сделал сальто – получил кусок мяса, не сделал – наказан.

– Господи, как ты можешь сравнивать? – Даша от ужаса открыла рот.

– А то ты не так делаешь? «Ритусик, собери игрушечки, я тебе конфетку дам», – передразнила Лариса Дашу.

– Это другое, – обиделась та.

Лариса Даньку не била. Она хватала его за руку и сильно сжимала. Так сильно, что на ручке белели следы от ее пальцев. Данька замолкал не от боли, а от страха. Нет, однажды она его отлупила. По попе. Почему-то она считала, что давать подзатыльники – нельзя. А по попе – можно. Надавала и надавала. А вечером, в ванной, от горячей воды проступили следы. Лариса испугалась – завтра к врачу идти, а вдруг не пройдет? И опять испугалась. Она не думала о сыне, ей не было его жалко, думала о себе: а вдруг врач заметит следы и решит, что Лариса – плохая мать? И Даня был такой притихший – быстро уснул, вцепившись в плюшевого медведя. Она заглянула к нему – нос сына упирался в черную пуговицу медвежьего носа. Данька подвсхлипывал во сне. Как будто рассказывал медведю про то, как мама его обидела, да так и заснул.

Все говорили, что Даня – общительный. Он тянулся ко всем – детям, взрослым. Цеплялся за чужую коляску и шел. Подходил к чужим мамам и улыбался. Мама улыбались в ответ и говорили: «Какой обаятельный малыш». Ларису в эти моменты трясло. Ей казалось, что Данька ищет себе другую маму, хорошую, добрую и терпеливую.

– Но вы же его знаете, почувствуете, если что, – говорила ей врач во время очередного визита. Лариса знала Даню, но не чувствовала его. При всем желании не могла. Она бы много отдала за то, чтобы узнать, что такое, когда сердце обрывается. И видишь по глазам – ребенок заболел. И знаешь даже, как у него что-то болит. Потому что у тебя тоже болит. Только сильнее. Вот у Даши это было.

Когда Ритуля свалилась с горки и прорезавшимися зубиками прокусила себе губу, Лариса, глядя на подругу, поняла – вот оно. То самое чувство.

С Ритулей все было в порядке, ничего страшного, только крови много. Даша тогда стояла над дочкой на коленях и качалась, как юродивая. И закрывала руками рот, как будто у нее он тоже был в крови. А Лариса спокойно сгребла Ритулю в охапку, донесла до дома, умыла, прижгла перекисью, хотя та и орала как резаная. Дашка сидела в прихожей на стульчике и продолжала раскачиваться.

- Надо мочой, чтобы следов не было. Девочка все-таки, – сказала Лариса подруге.
- Чьей мочой? – спросила Дашка как полоумная.
- Не твоей же...

Про Даню вообще все забыли – он все это время сидел в комнате, плакал и тянул за веревочку игрушки. У него была такая музыкальная собачка: потянешь за косточку – и играет музыка.

- Спасибо тебе, – говорила Дашка Ларисе.
- Не за что.

Ларисе не было жалко Ритулю, она не хотела помогать. Она хотела, чтобы все замолчали. Заткнулись. И Ритуля, и Дашка, и Данька, и его долбаная собачка.

- Бедненький Данюсик испугался, ничего, ничего, детки, – причитала Дашка.

Лариса тогда не сказала, что сын плакал от страха за то, что сделал, – она видела, как Данька толкнул с горки Ритулю. Не случайно, а специально. Ритуля скатилась два раза, а он – один. Вот он и толкнул девочку, зная, что нельзя. Что Ритуле будет больно.

За то время, что они гуляли вместе, Лариса все узнала про Дашу – как училась, как замуж вышла, как мороженое ела во время беременности и теперь его видеть не может, как Ритуля родилась, как шкаф новый купили, как свекровь придирается, а муж молчит... Обычные бабские горести и радости. Ларисе было неинтересно и противно. С кем приходится общаться? С этой тупой, еще молодой девицей, которая может переживать из-за того, что не она, а свекровь сварила борщ. Дашка спрашивала Ларису о ее семье, но Лариса уходила от ответа. Интересовалась подробностями покупки шкафа и скандала со свекровью. Дашка с радостью переключалась. Но потом вспоминала, что хотела сказать:

– Вот ведь как бывает, Данюсик на тебя ну совсем не похож, а Ритуля – мамина доча. Да, Ритуля?

Лариса считала, что Даша слишком глупая, чтобы быть неискренней, поэтому не обижалась. При этом Лариса удивлялась, как недалекость подруги сочетается с тактом – Даша никогда не спрашивала про отца Дани. «Наверное, решила, что он меня бросил беременную», – думала Лариса.

– А говорят, – продолжала Даша, – что мальчики похожи на бабушку со стороны мамы, а девочки – на бабушку со стороны отца. Или наоборот, я точно не помню. Только я все равно в это не верю. Ритуля на мою свекровь совсем не похожа. Вот вообще ничего общего.

Лариса промолчала. Она видела свекровь Даши – они шли из магазина. Ритуля шла немного косолапя, так же как бабушка, и хмурилась так же.

- А Данюсик в кого пошел? – не унималась Даша.
- Не знаю. Скорее всего в дедушку.

Даша задумалась, но уточнять не стала – в какого именно дедушку? Лариса никогда ни про какого дедушку не рассказывала.

– А бывает так, – вытаращив глаза, говорила Даша, – что ребенок ну вообще ни на кого не похож.

- Бывает, – согласилась Лариса.
- Вот ведь беда, – сокрушалась Даша.
- Почему?
- Так ведь кто поверит, что ребенок родной? Все ж будут думать, что чужой.
- Ой, Даш, ты слышишь звон, а не знаешь, где он.
- Какой звон? При чем тут звон? Звонок, что ли? Телефон?

Даша лезла в сумку, Лариса закуривала сигарету.

* * *

Данька рос. Лариса водила его по секциям – художественная школа, музыкалка, плавание. Каждое утро выкладывала на тарелочку витамины – чтобы рос, чтобы не болел. Заставляла заниматься. Читать, считать, рисовать, развивать логику. Каждый день. Данька начинал кричать заранее. Но Лариса была непробиваема – заниматься. Потому что надо. Все говорили, что она – замечательная мать. Ребенок интересующийся, но... несдержанный. Малейший раздражитель, и Даня начинал кричать и драться. С ним никто не мог справиться – ни учителя, ни тренеры, ни воспитатели. Только Лариса. Просто потому, что он ее боялся.

Когда Лариса приходила его забирать с плавания пораньше, Даня все время косился в ее сторону. Другие дети кричали: «Мама, смотри, как я могу, видела?» Мама или папа кричали в ответ: «Отлично, чемпион!» Дети ошалело улыбались. А Лариса сидела, уткнувшись в книгу, и ждала, когда закончатся занятия. На сына не смотрела. Даня и не просил посмотреть. Иногда они сталкивались взглядами, и сын замирал – видела она или нет, как он прыгнул с бортика? Но Лариса только перелистывала страницу.

Все думали, что она просто спокойная, уравновешенная женщина, которую ничто не может вывести из себя. Никто не замечал, что она была все время «в низком старте», в постоянном напряжении. Боялась, что сын что-нибудь «выкинет». Точнее, знала, что он «выкинет», и просто ждала момента.

Была тренировка по плаванию. Лариса читала, но в какой-то момент стала смотреть на дорожку. Она знала: что-то должно случиться. Слишком спокойно Даня вел себя в последнее время. У нее были свои приметы – хорошо долго не бывает. Надо ждать плохого. Много смеяться – к слезам.

Даню обогнала девочка – Таня – и первой коснулась бортика. Даня в воде толкнул Таню – она влипла в бортик. Рассекла бровь. Лариса сидела в ступоре. Подбежали бабушка Тани, тренер, еще один тренер. Девочку вытащили из бассейна, завернули в полотенце, побежали за аптечкой, звонить в «Скорую», звать уборщицу – на кафель с Тани лилась кровавая вода. Даня сидел в воде. Другие дети вылезли и толпились вокруг Тани. Только один Даня остался в бассейне. Он замерз без движения – губы посинели.

Лариса встала и тоже пошла к этой кучке вопящих, суесящихся людей. Никто из них не видел, что именно Даня толкнул Таню в бортик. Думали, что случайность. Дети всегда толкались, выясняя, кто первый поплывет или прыгнет, стоило тренеру отвлечься на секунду.

– Ее Даня толкнул, – вдруг сказала другая девочка. Лариса напряглась. Она видела, как сын отплыл от бортика к другому краю бассейна.

– Танечка, тебя кто-то толкнул? – спросила у внучки бабушка.

Таня не могла сказать ни да, ни нет. Она вообще не могла говорить из-за льющейся крови. Только плакала.

– А ты сама видела, как он Таню толкнул? – спросила девочку Лариса.

– Нет, не видела, – ответила девочка, – он всегда толкается. И меня тоже толкал.

– Даня, вылезай! – крикнула сыну Лариса.

Он вылез с другой стороны бассейна, там, где нет лестницы. Неудачно поставил ногу и шмякнулся на скользкий кафель. Лариса не двинулась с места. К нему подбежал тренер и поднял. Данька в этот момент расплакался.

– Потри, потри, пройдет, – говорил тренер, решив, что мальчик сильно ушибся. Данька плакал от страха перед мамой.

– Зачем ты это сделал? – спросила Лариса сына по дороге домой.

Даня молчал и сопел.

– Ты понимаешь, что ты сделал? – опять спросила она.

- Никто не видел.
- Я видела.
- Ты никому не сказала.
- Потому что я хочу, чтобы ты сказал.
- Я больше не пойду на плавание.
- Пойдешь.
- Не пойду.

Лариса развернулась и со всего маху залепила Дане по уху. Это был первый раз, когда она ударила его по голове. Он задохнулся и затряс головой. Но не заплакал. Лариса шла по дорожке, не останавливаясь. Даня ее догнал и ударил сумкой по спине.

– Да как ты смеешь? – заорала она. – Дрянная такая! Да я тебе сейчас... не знаю, что сделаю...

Даня убежал.

– Иди сюда, я сказала, – кричала Лариса, – немедленно подойди, а то хуже будет.

Даня не шел.

– Ну подожди, я тебе дома такое устрою!..

– Я не пойду домой, – крикнул он.

– Придешь, куда не денешься. Иди сюда...

– Ты меня не поймаешь! – крикнул с надрывом Даня.

Лариса его догнала. Было нечестно – Даня зацепился ботинком и упал. Она била сына с остервенением. Он лежал и пытался укрыться ладошками. А потом вдруг развернулся и ударил ее ногой в живот. В тот момент Лариса подумала, что сейчас забьет его до смерти. Так отлупит, чтобы вообще забыл, как его зовут.

– Женщина, что ж вы делаете? – услышала она голос.

К ней шла бабушка с внуком.

– Разве ж так можно? Нашла с кем связываться. Дите же. Вон он уже дрожит от страха. Сорваться больше не на кого? – говорила бабушка.

– Не ваше дело. Не вмешивайтесь. Я мать, – сказала Лариса, но появление этой бабушки вернуло ее к действительности. – Вставай и пойдем, – велела она Дане. Тот поднялся и поплелся следом.

Дома они не разговаривали. Лариса ждала, что он подойдет. А Даня занимался своими делами, как будто вообще ничего не случилось.

– Ты хоть понимаешь, что натворил? – зашла к нему в комнату Лариса.

Данька закрыл уши руками. Он всегда так делал, когда она начинала кричать. Затыкал уши. Лариса знала, что он все равно ее слышит, но этот жест ее раздражал до такой степени, что хотелось... Кончалось тем, что она подходила, хватала сына за руки и кричала:

– Не смей затыкать уши, когда я с тобой разговариваю! Не смей! Понял?

Данька вырывал руки и пытался заткнуть уши снова. А в последнее время вообще взял моду – ложился в кровать, укрывался с головой и тихонько плакал.

– Вставай! – кричала Лариса, которую трясло уже от одного вида сына. Она срывала одеяло и пыталась его поднять. Данька хватался за пододеяльник, простыню, чтобы укрыться с головой.

Она буквально отволокла его на следующую тренировку. Но признаваться было некому – Тане наложили швы, и она не ходила в бассейн. Старый тренер уволился, пришла новенькая девочка, которая явно боялась детей и не знала, что с ними делать.

Ритуля на горке, Таня в бассейне...

Лариса с самого начала знала, что будет непросто. Наследственность. Но ни один врач не сказал бы Ларисе, когда именно и в чем эта наследственность скажется. Можно только корректировать.

Сын рос. Лариса его корректировала. Под себя. Но Даня был другой, совсем другой.

– Детишек, их видно, – говорила Дашка, глядя на дочку. – Уже в пять лет видно, какие они будут.

– Это точно, – соглашалась Лариса. Ритулю уж точно видно. Будет копия Даша. Такая же туповатая и добрая. Со своим маленьким мирком и маленькими проблемками.

А Данька... Лариса никогда не умела считать, гуманитарий, а у сына – явные математические способности, хотя и на технаря не тянет. Она любила играть в слова, придумывать рифмы. Но Даня заходился в крике, когда она сажала его за занятия по русскому – гласные, согласные, твердые, мягкие, ударные, безударные. По десять раз одно и то же, как горох об стену. Позже Лариса заметила, что сын «выключается». Сидит, кивает, но не слышит. Лариса объясняла, как могла. Даня отвечал наугад. Лариса злилась и кричала:

– Ты гадаешь, а не думаешь. Думай, а потом говори.

Однажды она не выдержала.

– Господи, почему ты такой тупой? – сказала она и хлопнула книгой.

– Я не тупой! Не говори так. Не тупой, – закричал он в истерике, – уходи, уходи отсюда!

Лариса вышла из его комнаты, оторопев от неожиданной вспышки гнева сына. Так она поняла, что он тщеславен. Но не амбициозен. Хочет, чтобы его хвалили, но так, чтобы палец о палец не ударить. Получается – хорошо, не получается – хрен бы с ним. Получалось с математикой. Он легко считал в уме, прибавлял, отнимал. Но если в слова Лариса могла и поиграть, и сочинить стишок, то с цифрами не знала, что делать. Ну, примеры написать. А его надо было увлечь. Увлечь она не могла, потому что не знала как, да и не хотела. И интерес к математике у сына угас.

Лариса прилично рисовала – всем, что под руку попадет. Краски, карандаши, мелки...

А Данька рисовал из-под палки, хуже Ритули. Корявые птички, перекошенные деревья.

Даня с Ритулей рисовали «у кого лучше». Судьей выступала Даша.

– Ритуля – умничка, – восхищалась Даша, – Данюсик – настоящий художник.

– Ужас какой! – выносила вердикт Лариса.

– У кого лучше? – спрашивал Даня.

– У тебя, конечно, – говорила Даша.

– Зачем ты ему врешь? – не сдерживалась Лариса.

– Надо хвалить, а то отобьешь все желание. Я в журнале прочитала, – отвечала серьезно

Даша.

– Надо указывать на ошибки. И если плохо, говорить, что плохо.

– Я так не могу, мне правда нравится, как детки рисуют. Смешно же. Данюсик старался...

Лариса решила, что попробует делать так, как Даша. Но смотрела на художества сына и произвольно морщилась. Даня это чувствовал.

Однажды она нашла его рисунки. Видимо, он рисовал, когда она не видела. Рисунки были спрятаны в книгу. Лариса испугалась, хотя скептически относилась к психологическому утверждению, что по картинке можно сказать, что у ребенка на душе.

Внизу листа две маленькие фигурки – одна побольше, другая поменьше. Мама и ребенок. И та, которая поменьше, перечеркнута черным фломастером. А в той, которая побольше, прямо на лице – дыра. Получалось, что себя он вычеркнул из жизни, а Ларису проткнул.

Был и другой рисунок – стол, на котором стоят две чашки. Но ни стульев, ни людей нет.

Лариса отвела его в детскую студию в местном Доме культуры. Даня хорошо себя вел, слушал, рисовал. Но под конец разбрызгал грязную воду из стакана на рисунок другого мальчика. Мальчик, готовивший «подарок» для мамы в течение нескольких занятий, горько расплакался. Картина была испорчена. Даня сказал учительнице, что случайно опрокинул стаканчик. И даже извинился перед мальчиком. Но Лариса, которой рассказали о ЧП, не верила в такие случайности.

Дома он закрылся в комнате. Сказал, что будет рисовать. Лариса не заходила – боялась спугнуть. Сидела на кухне и надеялась, что Даню «пробило». Она купила ему краски – акварельные, гуашь – в красивых коробках, банках. Разные кисточки – толстые, тоненькие. Рассказывала, из чего делают кисточки – из белки, куницы... Данька слушал, как ей показалось, с интересом. Только потом она поняла, что ему было страшно – вот эта кисточка когда-то была живой белкой.

Данька открыл дверь в комнату.

– Можно посмотреть? – спросила она.

– Можно, – ответил он.

На полу лежали открытые краски. Он их все перемешал. Испортил. Брал кисточку, макал в желтый цвет и сразу же в черный, из черного – в красный. Он очень тщательно уродовал цвета. Во всех баночках был грязный серый мутный цвет. Кисточки тоже не пожалел. Срезал ножницами и сломал.

– Что же ты наделал? – с ужасом смотрела на этот кошмар Лариса.

– Так им и надо, – ответил Даня.

– Кому им? Краскам? Кисточкам?

Лариса поняла, что в Дане есть жестокость. Не детская, случайная, проверочная, а осознанная, спланированная, изощренная.

Что еще? Да много чего. Лариса никогда не была спортивной, вообще с ужасом думала о том, как можно по доброй воле бежать, присесть, качать пресс, а Даня без тренировок совсем распоясывался. Он любил соревнования, потому что почти всегда выигрывал.

Как-то ему, помимо почетной грамоты, вручили памятный значок. Он уронил значок в бассейн.

Лариса стояла на бортике и просила: «Даня, хватит, вылезай». Сын нырял за значком. Хватал воздух и опять нырял. Но до дна достать не мог. Лариса видела, что он устал, нахлебался воды и уже не может дышать. Но Даня своего добился – вынырнул со значком в руке. Совершенно счастливый.

– Я нашел его! – закричал он на весь бассейн.

Они шли домой. Лариса несла грамоту, а Даня сжимал в кулаке значок. Дома он хотел приколоть его на куртку. Но когда стали прикалывать, застежка сломалась. Даня закатил истерику. Сжимал в одной руке значок, в другой – застежку и с остервенением прикладывал одно к другому. Сжимал, открывал ладонь... застежка не держалась. Он расцарапал руку до крови, но кричал не от боли, а от обиды. А потом стал бить себя по голове кулаками. Сильно.

– Прекрати, – сказала Лариса. Она перепугалась не на шутку. – Тебе же больно.

– Пусть, пусть, – кричал Даня, – пусть мне будет больно!

– Даня, я тебе этих значков сколько угодно куплю. Они же везде продаются. В любом магазине, где пластилин и карандаши. И грамоты везде продаются. Хочешь, я тебе и грамоту куплю?

Она хотела как лучше. Хотела его успокоить. Хотела, чтобы он прекратил лупить себя по голове. Она и вправду была готова бежать покупать целую упаковку значков. А получилось...

Даня посмотрел на нее с ужасом и недоверием.

– Продаются? – спросил он.

– Конечно.

– Как карандаши и пластилин?

– Да. А где их, по-твоему, берут?

– И их можно купить?

– Можно, конечно.

– Кто захочет может купить? Даже ты?

– Да.

- А медали золотые?
- Нет, только так покрашены.
- Я... я... я... – Данька начал натурально стонать, – я тебя не люблю. Я никого не люблю.

Ты дура, кашка...

И только тогда до нее дошло, что не надо было говорить ему про магазин. Даня понял, что его обманывали. И все эти награждения – невзаправду. Не по-настоящему.

Она думала, что Данька больше не будет ждать соревнований и бросит плавание. Но сын ходил на тренировки и ждал соревнований. На тренировках он был первый, а на соревнованиях – последний.

- Не могу понять, что с ним происходит, – говорил Ларисе тренер, – я его не узнаю.

Она слушала и кивала. После соревнований сын подходил к призерам, хмыкал и говорил:

– Такую грамоту можно в магазине купить. И значок. И медаль. У меня дома полно таких значков и медалей.

В раздевалке завязывалась драка. Призеры рыдали. Данька подзуживал – «любой может купить».

- Это не считается! – кричали мальчишки.
- Считается.
- Здесь другие! А в магазине другие!
- Нет, – стоял на своем Даня, – одинаковые! И медали не золотые.
- Неправда!
- Спросите у тренера.

Мальчишки побежали спрашивать тренера и вернулись довольные. Видимо, тот сказал, что медали золотые. У Дани и так не было друзей в секции, а после этого случая его вообще обходили стороной.

Лариса поняла, что сын проигрывает специально, чтобы не получить медаль. Чтобы не дать себя обмануть.

Лариса водила его на детские спектакли, потому что сама любила театр. Даня сначала убегал из зала, потом смотрел куда угодно – на люстру, соседа справа, только не на сцену. Даже старые детские фильмы, которые любила она – «Буратино», «Пеппи Длинныйчулок», «Морозко», – Даня смотрел вполглаза.

- Тебе неинтересно? – спрашивала Лариса.
- Они не настоящие, – бурчал сын, – это люди переодетые.
- Правильно, актеры. Такая профессия.
- Они изображают. Они не настоящие. Я тоже так могу.
- Нет, не можешь. Этому надо учиться.
- Ты можешь. Ты меня обманываешь, и я верю.
- Я тебя не обманываю.
- Все взрослые обманывают.

Лариса любила транспорт – машины, троллейбусы, трамваи, метро. Ее успокаивал размеренный стук.

В детстве лучшим развлечением была «поездка на трамвайчике». Они с мамой ехали в другой район на автобусе и там пересаживались на трамвай. Маленькую Ларису восхищало все – что остановка не на дороге, а в аллейке, что двери в трамвае открываются по-другому, что едет он медленнее, «почухивая». Она придумала это слово – «почухивая». Не равномерный чух-чух, как у поезда в метро, а почух-почух. Одно то, что трамваи ходили не везде, делало их для нее особенными. А в метро? Как ей было интересно в детстве в метро! Турникеты со страшными железными руками, которые могут в любой момент тебя схватить! Она проскакивала мимо них, зажмурившись. Эскалаторы, которые Лариса называла экскаваторы, – еще одно

препятствие. Нужно перепрыгнуть, пока ступенька не исчезла. А Даню тошнило, рвало, он без конца ныл и капризничал. Ничто его не удивляло, не радовало. Ну трамвай, ну метро.

Лариса не любила гулять. Через час уставала, замерзала и мечтала только о том, чтобы поскорее вернуться домой. Кислород, конечно, нужен, но бессмысленно бродить по дорожкам, разглядывать листочки-почки... Ей нужен был смысл или конечная цель, к которой гулять.

На прогулках Лариса вспоминала слова своей мамы. Та, вытаскивая ее на улицу, всегда приговаривала: «У тех, кто сидит в тюрьме и не гуляет, серые лица. А у тех, кто на свободе, – розовые. Если ты будешь сидеть дома, тоже станешь серая».

Даня же без конца что-то рвал, рассматривал, ковырялся в земле, тарачился в небо...

Как-то она разбирала его книжки, детские журналы, и из ящика вывалились засохшие листья, желуди, веточка сосны. Она все собрала, выбросила и забыла. Через несколько дней из комнаты донесся крик.

– Мама! – кричал Даня, раскидывая книги. – Где мои листочки? Куда ты их спрятала?

– Я не знаю, – ответила прибежавшая на крик Лариса.

– Где они? Мои листочки, мои хорошие. Там столько было... – плакал сын.

– Дань, я убирала, – призналась она, – может, выбросила случайно.

– Ты специально. Где? Куда ты выбросила? – Данька рванул на кухню и стал ковыряться в мусорном пакете.

– Даня, перестань, это давно было. Уже нет. Мы еще соберем. Полно же везде этих листочков.

– Нет, мне мои нужны. Они самые красивые. Я хотел их сохранить, – его уже трясло, – а ты выбросила.

– Перестань, не плачь. – Лариса чувствовала себя виноватой, поэтому не стала кричать. – Хочешь, пойдем сейчас соберем?

– Нет, там больше нет таких...

Данька долго не мог успокоиться. Нашел желудь, случайно закатившийся под шкаф, и держал его в ладошках, как сокровище. Когда ложился спать, засунул под подушку.

Иногда он ее пугал вопросами.

– А если с восьмого этажа упасть, то разобьешься? – спрашивал он.

– Да.

– А с седьмого?

– С любого. Что за дурацкие вопросы?

Даня замолкал, но через некоторое время опять спрашивал:

– А с пятого, если упасть, разобьешься?

– Да.

– А если на землю упасть, а не на асфальт?

– Да прекрати, наконец, говорить всякие глупости.

Когда Даня разбил стакан, хотя она несколько раз ему сказала: «Осторожно, уронишь, разобьешь», – она не выдержала и дала ему по рукам. Сын не заплакал, а зло сказал:

– Лучше бы я умер. Лучше бы меня не было.

– Ты говоришь ерунду. Прекрати себя так вести! – закричала Лариса.

Но после этого закрывала балконную дверь и запрещала ему вообще выходить на балкон. Ей казалось, что он выбросится. Она даже поделилась страхами с Дашей.

– Ой, все дети такие, – даже не разволновалась против обыкновения Даша, – как спросят что-нибудь... Не переживай, ему просто интересно.

Но Лариса не успокоилась. Даже когда она велела сыну сидеть в своей комнате и закрывала дверь, то через некоторое время заглядывала к нему. Особенно если сын затихал.

Дальше – больше.

– Все, я уйду! – кричал Даня. Скандал, как всегда, разгорелся из-за пустяка. Потеряли игрушечную лодку.

– Сам потерял, сам и ищи, – сказала Лариса, – я в твои игрушки не играю.

– Где? Где моя лодка?

– Я не знаю. – Лариса готовила обед. К тому же у нее целый день раскалывалась голова.

– Все, я уйду от тебя! – закричал Даня.

– Куда? – спокойно поинтересовалась она.

– В другой дом.

– В какой?

– В другой. В любой.

– Иди. Видеть тебя не могу. Собирайся и иди.

Она думала, что сын испугается. Идти ему было некуда. Он это прекрасно знал.

Но Даня достал из шкафа свою спортивную сумку и начал запихивать в нее вещи – пижаму, цветные карандаши, игрушки, футболки. Лариса стояла и смотрела. Еще отметила – собирает все, что нужно. Надо же... Даже носки положил.

– Я все равно узнаю, где ты будешь, – сказала Лариса.

– Не узнаешь. Я так спрячусь, что ты меня никогда не найдешь.

У нее уже звонко стучало в висках. На затылке лежала тяжелая плита и давила, давила. Лариса пошла в комнату и легла. «Пусть делает что хочет», – подумала она.

Даня, протаскивая сумку по коридору, вышел на лестничную площадку. Она слышала, как хлопнула дверь.

– Вот дрянь, – вслух сказала она.

Потом не выдержала и вышла в коридор. Подошла к двери и посмотрела в глазок. Никого. Закрыла дверь и вернулась в комнату.

Прошло десять минут. Лариса не следила за временем специально, просто часы висели на стене. Напротив дивана. В дверь позвонили.

Она встала и пошла открывать. Данька ломился в дверь руками, ногами. Долбил и кричал: «Мама, мама,пусти меня!»

– Ну что, вернулся? – спросила она.

– Ты не хотела меня пускать! – крикнул он.

– Я случайно дверь закрыла. Сам виноват. Не надо было уходить. Устроил тут представление.

– Ты не хотела меня пускать, ты не хотела меня пускать! – повторял Данька.

– Перестань молотить чушь. Заходи уже.

– Я все равно уйду, – буркнул он, – через десять дней.

– Почему через десять дней?

Он не ответил. Пошел в свою комнату. Лариса опять легла. Закрыла глаза. Слышала, как дверь в комнату Дани то открывается, то закрывается. Надо было встать и пойти обедать. Время. Режим, Лариса заставила себя подняться. Подошла к комнате сына. На двери скотчем была прилеплена бумажка с надписью корявыми печатными буквами: «Ни входит. Ни биспакоить».

Лариса постучалась.

– Что? – откликнулся Даня.

– Иди обедать, – сказала в дверь Лариса, – и разбери сумку.

– Ты мне можешь? – спросил сын, распахнув дверь. – Давай вместе? – Он хотел помириться. Лариса видела, что Данька расстроен.

– Нет, сам собрал, сам и разбирай, – не сделала шаг навстречу она.

В этом они тоже были разные. Данька взрывной, но отходчивый. А Лариса долго помнила обиду и не умела прощать. Ни сразу, ни потом.

В последний раз она обиделась на сына сильно. День прошел хорошо. Данька прилично себя вел, даже включился в игру – придумать шуточные рифмы: «елка-пчелка, мишка-коротышка, сосулька-крохотулька». Вечером поужинал, без напоминания почистил зубы, лег вовремя. Лариса по случаю удачного дня налила себе бокал вина. Сидела на кухне, цедила вино, курила, читала книжку. Как обычно, пошла посмотреть, как там Даня – уснул не уснул, не сдернул ли одеяло? Он засыпал. Лариса стояла, смотрела и думала – а все-таки он симпатичный мальчик. И глазки хорошие, умненькие. Вырос быстро. Вон уже какая ножища. А был совсем крохотный. Она расчувствовалась и наклонилась его поцеловать. Данька увернулся.

– Дай поцелую? – попросила она.

– Нет, – сонно сказал он, – от тебя плохо пахнет. Мне не нравится.

– От мамы пахнет, значит, плохо? – обиделась Лариса до слез. – Ладно. Если тебе противно, больше не подойду.

И каждый раз, наклоняясь к Дане, вспоминала этот момент.

* * *

Он разложил вещи из сумки. Но она опять сорвалась. Футболки лежали в шкафу мятые, карандаши разбросаны по столу. А ведь только вчера порядок навела. Выбросила бумажки, все рассортировала – пластилин отдельно, кисточки отдельно. Данька свалил все в одну кучу. Лариса собрала то, что только разложил Даня, и вывалила на середину комнаты.

– Убери нормально.

– Не буду.

– Будешь.

Лариса держала в руках полотенце. Им и ударила. Данька от неожиданности даже не заплакал. Схватился за больное место и стал покачиваться из стороны в сторону.

– Прекрати ныть. Убери, – велела Лариса.

– Не буду. – Данька продолжал раскачиваться.

– Прекрати так делать, слышишь? Немедленно! – взвилась в истерике она.

Только вчера Даша, выпучив глаза, рассказывала, что по телевизору показывали детский дом. А там детки в кроватках раскачиваются. Стоят и качаются из стороны в сторону.

– Бедненькие, – говорила Даша, – я так плакала, когда смотрела. Это они себя так укачивают. У них мам нет, а нянечек на всех не хватает. Вот они лежат в кроватках или стоят и шатаются из стороны в сторону. Как деревца. Так их жалко! – У Даши покатилась слеза. – А еще говорили, что они не слышат стука сердца матери и поэтому не развиваются. Поэтому они глупые. Если бы слышали, то были бы как все дети.

Лариса смотрела на Даньку с ужасом – он тоже качался из стороны в сторону.

– Прекрати, прекрати, прекрати! – закричала Лариса.

Она хлестала его полотенцем изо всех сил. Он в ответ пинал ее ногами, молотил кулаками. Лариса ударов не чувствовала. Остановилась она только потому, что увидела свое лицо в отражении в окне. Лицо сошедшей с ума женщины. Она села на кровать, обхватила себя руками и стала раскачиваться из стороны в сторону. Потекли слезы. Данька убежал в коридор и вернулся с хоккейной клюшкой.

– Хочешь меня ударить? – подняла она голову. – Бей.

Сын размахнулся и ударил. Не сильно.

– Бей еще, – сказала она. Говорила спокойно, только слезы текли не останавливаясь.

Даня бросил клюшку на пол и тоже заплакал.

Она думала, что тоже не помнит, как стучит его сердце – давно не брала сына на руки, не прижимала. И он не слышал ее сердце.

– Иди ко мне, – сказала Лариса.

Он не пошел. Наверное, нужно было сесть к нему на пол и обнять. Но они так и сидели – отдельно друг от друга и раскачивались из стороны в сторону.

– И тебе не страшно было? – спросила, округлив глаза, Даша, когда на следующий день Лариса рассказала ей про уход Даньки из дома.

– Нет, а что?

– Ой, ну мало ли! Могли бы украсть. Ребенок один на площадке. Или вещи забрать. Мало ли проходимцев. Вышел из лифта, и все. Или застрял бы и задохнулся. Или его дверью бы придавило?

– Ничего же не случилось, – сказала Лариса.

– Все равно страшно. А если бы он по лестнице вниз спустился и ушел? – не могла успокоиться Даша.

– Не ушел же.

– И ты ему не объяснила, что так нельзя делать?

– Нет, без толку.

– Даня, Данечка, – позвала вдруг Даша, – иди сюда, что скажу.

– Что? – Даня играл в мяч и не хотел отрываться.

– Иди, баранку дам! – крикнула Даша.

Лариса каждый раз удивлялась содержимому Дашиного пакета, с которым она выходила на прогулку. Игрушки, мяч, вода, салфетки, конфеты, баранки, семечки для птичек, горбушка хлеба для уточек, мелки и еще куча всего.

– Зачем ты все это таскаешь? – спросила Лариса.

– Ну как же? Надо же.

Даша доставала вкусности и игрушки из пакета, как Дед Мороз из мешка. К Даше всегда подбегали дети с просьбой: «Тетя Даша, а у вас есть?..» У нее было все. Дети считали, что у тети Даши – бездонный волшебный пакет. Можно найти все, что ни пожелаешь.

На баранки Даня прибежал.

– Данечка, – начала Даша, – ты знаешь, что бывает с детьми, которые убегают от мам?

– Что? – спросил Даня, запихивая в рот сразу две баранки.

– Их могут украсть плохие люди или в милицию забрать.

– А потом?

– А потом маме твоей позвонят и будут ругать.

– Кого ругать?

– Маму твою. Сильно будут ругать. Маме будет плохо. Она будет плакать.

– Хорошо, – сказал Даня и убежал.

– Ну, спасибо тебе, – рассердилась на Дашу Лариса, – теперь он точно убежит.

– Почему? – не поняла Даша.

– Потому что он хочет, чтобы меня ругали.

– А по-моему, он сказал, что больше не будет. Он же сказал: «Хорошо».

– Даш, это твоя Ритуля говорит то, что думает. А Данька... Я вообще не знаю, что у него на уме. Может, забудет, а может, сбежит.

Данька сбежал. Она была на кухне и думала, что он играет. А когда зашла, чтобы позвать ужинать, сына в комнате не было. Лариса рванула дверь шкафа – сумка на месте, вещи тоже на месте.

– Даня, Даня, – позвала она, надеясь, что сын просто спрятался. Но сердце колотилось. Она лихорадочно думала – нет, на балкон не мог пойти, она же была на кухне. Значит, ушел.

Лариса выскочила из квартиры и побежала сразу на лестницу. Никого. Вернулась, вызвала лифт. Работает. Не застрял.

Даня далеко не ушел – до консьержки. Она увидела его не сразу. После того как обежала вокруг дома. И только тогда догадалась вернуться и спросить – не видела ли консьержка ее сына?

Он сидел в каморке на продавленном диване перед старым телевизором. На коленях держал тарелку с тушеной капустой с колбасой. И уписывал за обе щеки. Было с первого взгляда видно – ребенок доволен.

– Да здесь он, здесь, – говорила консьержка, – а я думала, вы ушли куда-то. А этот стоял внизу. Я его отругала – почему один спустился? Вот, накормила – он сказал, что есть хочет.

– Спасибо вам большое, – сказала Лариса. – Данечка, пойдем домой.

– Да пусть доест, – сказала консьержка.

– Я сейчас вернусь за ним...

Лариса поднялась в квартиру, нашла коробку конфет и спустилась.

– Это вам к чаю, – сказала она консьержке.

– Да не надо, спасибо, если что, приводите, пригляжу. Хороший он мальчик. – Консьержка потрепала его по голове.

– Даня, пойдем, – велела Лариса.

– Я еще не доел, – ответил он, медленно зачерпывая ложкой капусту и так же медленно поднося ко рту.

– Давай, давай, лопай скорее, – сказала консьержка, видя, что Лариса нахмурилась, – дома-то лучше. Чего тут-то? Ой, это всегда так у детей, – повернулась она к Ларисе, – в гостях и щи вкуснее, и кровать мягче.

– А можно я тут останусь? – спросил Данька.

– Да ты что? – всплеснула руками женщина. – А где ж ты спать будешь?

– Здесь, – показал он на диванчик.

– А я где?

Данька оглядел комнату. Негде.

– Ты посмотри, мама твоя сейчас заплачет. – Консьержка за разговорами успела забрать у него тарелку и впихнуть в руку пряник. – Как же она без тебя жить будет? Ей же плохо будет.

– Не будет, – буркнул Даня.

– Э-э-э, мой дорогой, ой как будет. У меня сыночек умер, царство ему небесное, так вот я с тех пор и не живу. – Консьержка села на диван и приобняла Даню. Тот грыз пряник. Лариса стояла в дверях, из-за чего ей приходилось здороваться со всеми входящими в дом соседями. Она хотела поскорее увести Даню, но так, чтобы обошлось без скандала. А как это сделать – не знала.

– А он давно умер? – спросил у консьержки Данька.

– Давно, милый, давно. Я ж уже старенькая. А никого у меня нет – ни внучат, ни невестки. Одна я осталась. Знаешь, как плохо одной?

– Тогда я с тобой буду, и ты будешь не одна.

– А мама твоя? Одна, значит, останется? Нет, так нельзя. Ты с мамой на всю жизнь связан. Куда ты – туда и она.

Данька замолчал. Задумался.

– А почему он умер? – спросил мальчик.

– Болел он, бедненький. И ничего сделать нельзя было.

– А если ты не живешь, то почему ты здесь? Со мной разговариваешь? Я же тебя вижу, значит, ты не привидение.

Консьержка засмеялась. Лариса пыталась вспомнить, как ее зовут. Она и не знала ее имени. «Здрасьте, здрастье» все эти годы...

– Я только с виду живу, – сказала женщина, – а внутри умерла. Даже плакать уже не могу – все глаза выплакала. А так хочется.

«Странное объяснение», – подумала Лариса. Данька кивнул, как будто все понял.

– А мама плачет, – сказал Даня.

– Так ты подойди, пожалей ее. А то ведь все слезы кончатся.

– И что будет?

– Больно ей будет. Горе придет, протянет руку и сердце сожмет сильно-сильно. И не отпустит, хоть кричи. Иди домой и маму пожалей. Горе испугается и уйдет. Оно любви боится.

Консьержка подтолкнула его к Ларисе. Та стояла, онемев. Что значит – любит, не любит? Она о нем заботится – это тоже любовь. Она волнуется – это тоже любовь. Она думает о его будущем – и это любовь. Лариса считала, что проблемы из-за того, что у нее с Даней нет той пресловутой связи, которая не перерезается вместе с пуповиной. И откуда бы она взялась, с другой-то стороны?

Она щелкнула выключатель чайника и набрала номер телефона.

– Да, – ответил Илья.

– Он мне хамит, ничего не хочет делать, – сказала Лариса.

– Отстань от него, – сказал Илья Ларисе.

– Что значит – отстань?

Илья вздохнул. Лариса слышала звуковой фон – голоса, смех. Женский голос и детский смех. Когда она разговаривала с ним по телефону, всегда слышала в трубке детский смех. А у нее фоном шли ор и истерика. Она почувствовала, что начинает срываться.

– Что значит – отстань?! – закричала она в трубку. – Тебе что, наплевать, что с ним будет? Он становится все хуже. Я уже не знаю, чего от него ждать. Сегодня ушел из дома. А завтра что будет?

Они оба молчали. Потому что он знал, что скажет она, а она знала, что он ответит. Не в первый раз.

– Ладно, пока, – сказала Лариса и положила трубку. Илья перезвонил.

– Хочешь, я с ним поговорю? – предложил он.

– Без толку.

– Без толку, – согласился он.

– Я делаю все, что могу.

– Я знаю.

– Он меня ни во что не ставит.

– Угу.

– Что мне делать?

– Не знаю.

– Ладно, пока, – сказала она.

– Пока, – быстро попрощался он.

Она налила чай и случайно опрокинула чашку. Обожглась. Села, взяла сигарету. Зажигалка куда-то пропала. Спичек тоже нет. Всегда так. Лариса пошла в комнату, порылась в сумке, нашла зажигалку, села и, наконец, закурила. Теперь она не понимала, на кого больше злиться – на сына или на Илью. Все довольны, всем хорошо, кроме нее. Лариса знала, что особенно ее раздражает. Илья даже не пытается скрыть, что она позвонила не вовремя. Он не хочет ее слышать. Она – напоминание о прошлой жизни. Не самое счастливое напоминание.

Все было как вчера. Лариса давно привыкла к этому ощущению – просыпаешься – Новый год, засыпаешь – Восьмое марта. Время летит. Нет, она не разглядывала в зеркале первые морщинки. Просто однажды в зеркале увидела свои глаза. А потом посмотрела на полку в ванной – в ряд стояли тюбики с кремами для глаз. Лариса ощущала время по глазам. Раньше глаза были молодые. А сейчас – сейчас их нужно открыть. Разглядить кремом отеки, замазать

синеву. Она искала фотографию для какой-то бестолковой анкеты и заглянула в фотоальбомы. Раньше глаза смеялись. Они были, как бы это сказать, ясные, что ли. А на фото с Данькой – взгляд настороженный, обеспокоенный, напряженный. И глаза, нет, даже не умные, а пережившие. С такой тоской вокруг радужки. Лариса каждое утро пыталась кремами изменить взгляд. Странно, но у Даньки были такие же глаза – пережившие, хотя он маленький. Даже когда грудным был, смотрел не так, как все дети. Напряженно и тоскливо одновременно.

Чем старше становился сын, тем становилось хуже.

– Вы его боитесь, что ли? – спросила как-то у Ларисы врач.

– Нет, – обиделась Лариса.

– Вы взрослая – он ребенок, – сказала врач. – Вы должны принимать решения, а не он.

Вы же мать, в конце концов.

Лариса кивнула.

Лариса боялась сына. Боялась его немотивированных криков, истерик. Боялась себя. Ей иногда хотелось побыть одной. День, два, неделю. Просто лежать и ничего не делать. Она боялась признаться себе, что устала от него. Что ждет, когда он станет взрослым и за ним не нужно будет ходить по пятам. Боялась своих желаний – сбегать куда-нибудь Даньку хоть на время. И не спешить домой, не стоять у плиты, не держать себя в узде. Ей хотелось лежать на диване, смотреть телевизор и не двигаться. Ну может быть, только на кухню – сделать яичницу и лечь опять. Она уставала к концу дня до боли в суставах.

– Я устаю очень, – призналась она как-то Даше.

– И я устаю, – сказала Даша, – то приготовить, то постирать, то квартиру убрать. Вот если бы можно было только с Ритулей играть и гулять...

Лариса так ей и не сказала – она-то устает именно от Дани. Не от готовки, не от глажки. От того, что нужно быть с Даней. Играть, гулять, общаться. Она уставала даже от его голоса, от выражения его лица.

Лариса жила как в армии – до дембеля. Дембель – три года. Срок, когда можно будет отдать Даню в садик. А она не будет его видеть. С восьми до шести.

– Ой, я так боюсь Ритулю в сад отдавать, – сказала на очередной прогулке Даша, – так жалко.

– Почему? – не поняла Лариса.

– А вдруг ее там обидают? Или отругают. Или она плакать будет и меня звать. Я решила, что на полдня буду водить, а после обеда забирать.

Ларису волновало другое:

– Лишь бы не болели. А то, говорят, дети неделю ходят, неделю болеют и дома сидят.

– Нет, главное, чтобы нравилось. И чтобы воспитательница была добрая.

В три года Лариса отдала Даню в сад. Вообще-то садиков было два. Даня не задерживался в каждом дольше двух месяцев.

– Забирайте, – рано или поздно говорила очередная воспитательница. – Или отводите в частный детский сад. Я не собираюсь это терпеть за свою зарплату.

Даня с коллективом боролся, как мог. Лариса вела бесконечные разговоры с родительницами избитых и обиженных ее сыном детей. В первом садике она согласилась мыть туалет в группе, когда уволилась нянечка, и подсовывала воспитательнице в ящик стола то сотню, то две.

Во втором Лариса пошла к заведующей и предложила спонсорскую помощь. Заведующая оглядела Ларису с ног до головы и сказала, что нужд у детского сада – много. Начиная от ремонта веранды на улице, заканчивая стиральной машиной. Для стирки штор. И развела руками – мол, выбирайте.

– Стиральная машина, – выдохнула Лариса.

Заведующая назвала желаемую марку.

Марка стоила дорого.

– Илья, мне нужны деньги, – позвонила ему Лариса.

– На что? – спросил он.

– На стиральную машину. В детский сад. Заведующей.

– Ты не должна этого делать. Это не частный сад, а государственный, – завелся Илья. Он всегда был против необоснованных, а следовательно, пустых, с его точки зрения, трат.

– Там все дают. Кто-то вон будет ремонтировать веранду, – сказала Лариса.

– Я не собираюсь покупать стиральную машину какой-то бабе.

– Тогда Даньку оттуда исключат.

– Пусть попробуют. Я на них в суд подам. На каком основании?

– Даня неуправляем.

– Все дети плохо себя ведут. Что теперь, их в сад не брать?

– Ладно, я сама разберусь.

Она не хотела пересказывать Илье то, что ей говорят воспитательница и родительницы: ее сын неуправляем, агрессивен и психически неуравновешен. Его нужно лечить. Или держать дома.

Даня в саду подсматривал за девочками в туалете. Не так, как все мальчики, а с особым цинизмом. Говорил девочке, что, если та не снимет трусики, он ее в тихий час привяжет колготками к кровати и убьет. Девочка плакала от испуга и послушно снимала трусики.

Потом он принес чужую игрушку. Дорогую. Электронную.

– Чье это? – спросила Лариса.

– Мое, – ответил Даня.

– Не ври. Ты ее у кого-то отобрал?

– Нет. Нашел.

– Завтра же ее вернешь тому мальчику, у которого ты отнял игрушку.

– А как ты все узнаешь? – спросил он у нее.

– Про что? – не поняла Лариса.

– Про меня? Ну, что я отобрал у мальчика?

Надо было придумать про птичку, которая летает и следит за детишками, кто как себя ведет, и рассказывает мамам. Или про Деда Мороза, который тоже все знает и привозит послушным детям подарки на Новый год. Или еще что-нибудь придумать.

– Я вижу тебя насквозь, – процедила Лариса, – до печени.

Даня испугался. Он подумал, что мама и вправду видит, что у него внутри. И может вынуть его, например, печень. И съесть. Печень ведь едят. В садике котлеты делают. Вонючие и невкусные.

Лариса поругалась с родительницами. В саду случился скандал – кто-то из родительниц узнал, что воспитательница специально открывает настежь окна в тихий час. Сама сидит в теплой кофте, а дети лежат в трусиках и маечках. Открывает, чтобы дети простудились и не ходили в сад. Меньше народа – меньше работы. Дети действительно болели все по очереди. Все, кроме Даньки. Родительницы собрались у ворот и решали, что делать с воспитательницей. Было решено написать коллективное письмо заведующей. Письмо написали и пустили по кругу – ставить подписи. Лариса подписывать отказалась.

– Почему вы не подписываете? – спросила мамаша, которая была инициатором коллективной жалобы.

– У вас нет доказательств.

– Дети болеют, какие еще доказательства нужны? – завелась мамаша. – Я сама заходила к ним в тихий час. Там холод собачий.

– Мой сын не болеет.

– А вы ждете, когда заболит?

Мамаши стояли и смотрели на Ларису. Она развернулась и ушла. А какой смысл объяснять что-то этим клушам, похожим на Дашу по внутреннему бесхитроственному устройству? Рассказывать им про только что купленную стиральную машину для заведующей, про засовывание денег в стол воспитательницы, про купленный ей же чайник в качестве моральной компенсации? Про то, наконец, что она впервые лежит на диване с восьмью до шести и ни о чем не думает? Нет, думает, что, была бы пятидневка, сдала бы на пятидневку. А еще о том, что еще полегит вот так неделю и займется собой. Своей жизнью, а не жизнью сына.

Про то, наконец, что это может скоро закончиться, как уже заканчивалось. Ей дадут понять: или – или. Или она ремонтирует веранду, покупает ноутбук для сына заведующей, моет туалет – или забирает Даню из сада. Они не по прописке, а очередь расписана на годы вперед. Вон беременные записываются. А Ларисе пошли навстречу – взяли. А группы переполнены, персонала не хватает.

Лариса никак не могла понять, почему Даня так ненавидит детский сад. Она ведь ему несколько раз объясняла – если он будет плохо себя вести, то его выгонят.

– Ты будешь целыми днями со мной, – убеждала она сына, – я буду заставлять тебя заниматься, читать. А в саду весело, игрушек много, друзей.

Данька кивал, но делал все, чтобы вылететь из сада.

Он запер мальчика в подсобке на кухне, куда привел под предлогом показать новую машинку.

– А где Коля? – спросила воспитательница уже вечером, недосчитавшись ребенка.

– Его бабушка забрала, я сам видел, – сказал Даня.

– А, ну ладно.

Воспитательница не успела расслабиться – за Колей пришла мама.

– Где мой сын? – спросила женщина.

– Его бабушка забрала, – ответила воспитательница.

– Бабушка не могла его забрать. Она умерла три года назад.

Только через час, когда Коля так и не нашелся, воспитательница вспомнила, что про бабушку ей сказал Даня. Она позвонила Ларисе и потребовала срочно прийти с сыном в сад, объяснив, что пропал мальчик из группы и Даня видел его последним.

– Где он? – спросила Лариса, положив трубку. Она сразу все поняла.

Даня знал, что если мама говорит таким голосом, то будет бить ремнем. Долго и больно.

– На кухне. В темной комнате, – признался Даня в надежде, что бить не будут.

Лариса позвонила в садик и сказала, где надо искать. Колю нашли – голодного, заплаканного, перепуганного. Тот рассказал, что Даня хотел ему машинку показать и не показал. Воспитательница позвонила Ларисе и в не очень приличных выражениях посоветовала на территории сада больше не появляться. А мама Коли пообещала подать на Ларису в суд.

Сына Лариса в тот раз не била. Просто подошла к нему и спокойно сказала:

– Я не хочу тебя ни видеть, ни слышать. Ты для меня не существуешь.

– Это как?

– Просто. Ты – пустое место. Ты мне – никто.

Даня тогда взял фотоальбом и разорвал все свои фотографии. А потом разбил зеркало в шкафу. Он не плакал, не кричал. Орал. Она схватила его за руки, за рубашку и завела в ванную. Хотела умыть, успокоить. Но сын кусался и лягался. Она вышла, закрыла дверь в ванную с обратной стороны и выключила свет. Привалилась телом и держала.

– Мамочка, не надо, – кричал и бился с другой стороны Даня, – я больше так никогда не буду. Миленькая, мамулечка. Я тебя очень люблю.

– Я хочу, чтобы ты понял, что это значит – издеваться над людьми. Представь хоть на минуту, что было с тем мальчиком, которого ты запер.

– Мамочка, я все понял, я больше не буду, я не хочу, чтобы меня не было. Я же здесь. Я вот. Так не может быть, чтобы меня не было.

Лариса отпустила дверь. Данька вывалился к ней на руки. И в груди что-то шевельнулось – она сгребла его в охапку, посадила на колени и стала успокаивать. Данька прижимался, обнимал... А она его так и не поцеловала, хотя он тыкался носом ей в шею. Не смогла, и все. Гладила по голове, качала на руках, как маленького, но поцеловать не могла себя заставить.

* * *

– Так страшно бывает, – говорила Даша, – вот не вышла бы замуж, не было бы у меня Ритули, не знаю, что бы я делала. Правда?

– Правда, – кивала Лариса. Ей становилось страшно от другого. От ощущения, нет, стойкого убеждения, что сломала себе жизнь. Собственными руками. И никто по этим рукам больно не дал, чтобы так не делала. Никто не остановил.

Игорь был на пятнадцать лет ее старше. Она знала, что он женат и у него есть ребенок. О семье он вообще не говорил. Жена – Инна, сын – Илья. Исчерпывающая информация. Если звонила жена, он просто сообщал, что сегодня не приедет. Лариса думала, что это что-то значит. В том смысле, что семьи там уже никакой нет, а с ней, с Ларисой, – любовь и совместное будущее. Только потом, много лет спустя, она поняла – Игорю было все равно. И тут и там. Он хотел одного – чтобы его не трогали. Лариса не задавала вопросов и ничего не требовала. Она думала, что все должно решиться само собой. Жена не выдержит. В конце концов, это его дело.

Банальная история. Они вместе работали. Игорь начальником, Лариса – его помощницей. Это был не служебный роман, а служебный секс. Лариса не обольщалась. На работе все знали об их отношениях, но ей было наплевать. Да и Игорю тоже. Кого этим удивишь? Ну, сплетничали в столовой, в курилке...

– Ой, как же можно? Там же ребенок маленький, – говорила пожилая бухгалтерша.

– Да ладно, молодая еще, – отвечала вторая.

– А он-то хорош!

– Мужик, одно слово. Что с него взять?

– Да, ни стыда, ни совести...

– Их дело. Сами разберутся.

Лариса и сама была уверена, что это ненадолго и уж тем более не серьезно. Но как-то на глаза попался календарь, и она застыла – уже три года. Три года она живет с Игорем. Только с ним. И никого другого у нее нет. Да и с ним ничего нет, кроме недолгих, ни к чему не обязывающих, хоть и регулярных встреч. Лариса сидела, смотрела на календарь и думала: пора что-то менять.

– Игорь, мы уже три года встречаемся, – сказала вечером Лариса.

Тот, как ей показалось, тоже не ожидал, что прошло уже столько времени.

– Да, много, – сказал он.

– И что будет дальше?

– А что ты хочешь?

– А что ты можешь предложить?

– Ну, давай жить вместе.

– Давай.

Насчет жить, конечно, было сильно сказано. Игорь просто стал чаще приезжать и чаще оставаться на ночь. Стал чуть более откровенен. Рассказывал ей про Инну, про Илью.

Игорь был обычным мужем и обычным отцом. Он зарабатывал деньги, жена занималась ребенком. Все, как у всех.

– А Илья появился случайно? – спросила Лариса.

– Ну, можно и так сказать, – ответил Игорь, – мы специально не планировали ребенка, если ты это имеешь в виду.

– А ты с ним возился? Когда он маленьким был?

– Да нет особо. Илюша всегда был «мамин». Сейчас мне кажется, что зря я его так мало видел. Я для него, понимаешь, так, пустой звук.

– Как это?

– Он маленький был ласковый. Нос пытался мне отгрызть, ему нравилось по мне ползать. На шее любил ездить и слюни мне на макушку пускал. А один раз описал. Теперь он большой и меня боится. Два дня назад я решил его утром в садик отвести. Инна плохо себя чувствовала. Он уперся. Стоял и ныл – пойду с мамой, пойду с мамой. Вывел меня из себя. Доведет кого хочет. Конечно, я сорвался. Наорал на него. Что это такое? Потом еще Инна скандалила. Говорит, я его напугал, всю дорогу не мог успокоиться. А в прошлые выходные я решил на пруд его сводить. У нас такой пруд красивый – там утки плавают, а зимой он замерзает и можно на коньках кататься. Я давно там не был. А Илюшка опять расплакался. Оказывается, они с мамой договорились идти белок кормить.

– И куда пошли?

– Естественно, к белкам.

Доходило до смешного.

– Илья, пора спать, – говорил Игорь.

– Нет, не пора, мама еще не звала, – отвечал мальчик.

– Иди спать, я сказал! – злился он.

– Нет, – начинал плакать Илюша, – пойду, когда мама скажет.

Игорь смотрел на жену. Та пожимала плечами.

– А чего ты ждешь? – говорила она. – Тебя дома не бывает практически.

– Ты его настраиваешь против меня, – кричал он.

– Ты сам его настраиваешь.

Инна укладывала сына. Игорь шел читать книжку на ночь. Опять все заканчивалось скандалом. Илюша не хотел слушать сказку, которую выбрал папа, а хотел дослушать ту, которую вчера начала читать мама.

– Делайте что хотите, – не выдержал Игорь и швырнул книжку на пол.

Инна успокаивала плачущего сына.

– Что ты ноешь, как девчонка? – кричал он на сына.

– Я не девчонка. Я мальчик. Не говори так, – плакал Илья.

– Тогда не реви. Вон, весь в соплях.

– Я не в соплях!

Илюша долго не мог успокоиться. Плакал и плакал. В результате засыпал совсем поздно и утром плакал оттого, что не выспался, а надо вставать и идти в садик. Замкнутый круг.

– Лучше бы ты не приходил, – не выдержала однажды Инна, – каждый вечер рыдания. Сил моих нет.

– Мне что, на улице ждать, пока вы уляжетесь?

– Да где хочешь. Дай ребенку спокойно заснуть. Нельзя же так. Каждый вечер крики.

– Это ты виновата. Ни у кого дети не кричат при виде отца.

– Можно подумать, ты много детей видел!

– Пожалуйста, я могу вообще не приходить, если тебе так будет легче.

– Делай что хочешь. Только не скандаль.

Игорь переехал к Ларисе. На время, как он сказал. Но по сыну он тосковал. И пытался совместить Ларису с Илюшей.

– Давай вместе куда-нибудь ходим? – спрашивал все время он.

– Давай. Только в следующий раз, – отвечала она, оттягивая ненужное ей знакомство.

Лариса спокойно относилась к детям. Приблизительно как к животным. На расстоянии – хорошо, но заводить – нет, спасибо, не надо. Дети ее не раздражали, но и искренней любви она к ним не испытывала. Она была бы рада познакомиться с Илюшей, но в том случае, если все будет понятно с Игорем. Допустим, она выходит замуж за Игоря, и тогда, конечно, с его сыном надо знакомиться. А в ее ситуации зачем?

Но однажды Игорь приехал к ней с Ильей.

– Привет, – сказала Лариса Илье.

Тот молчал и разглядывал стену.

Игорь сделал жест – пообщайтесь.

– Как дела? – спросила Лариса.

Илья молчал.

– Во что ты любишь играть? – сделала она еще одну попытку.

Никакой реакции. Ну и ладно, она же не нянька.

Позже они сидели на кухне, и Лариса делала из бумаги кораблики. Это единственное, что пришло ей в голову. Илья шел в ванную и запускал корабли в раковине.

– Там будет засор, – сказала Лариса Игорю.

– Ничего. – Игорь был абсолютно счастлив.

– Скажи ему, чтобы вытаскивал бумагу, – попросила Лариса.

– Нет, пусть, ничего страшного, – ответил он и посмотрел на Илюшу, пришедшего за очередным корабликом, лоснящимися глазами.

Лариса же отметила, что мальчик – совершенно обыкновенный. Мальчик как мальчик.

– Все, больше не хочу делать кораблики.

– Еще! – заныл Илья и посмотрел на папу.

– Не буду. Устала. Надоело.

Илья заныл.

– Ну сделай еще, тебе что, сложно? – попросил Игорь.

Лариса тогда дернулась – так всегда будет? Ей всегда придется уступать?

При прощании она не сделала попытки поцеловать Илюшу или сказать ему что-то банальное. Игорю это не понравилось. Это чувствовалось. Она же считала странным целовать чужого ребенка или сюсюкаться с ним. В конце концов, она вообще не знала, как надо прощаться с детьми.

– А подарок? – заканючил уже в дверях Илья.

– Какой подарок? – спросила Лариса.

– В гостях ему дарят подарки, – объяснил Игорь.

– У меня ничего нет. Детского, – сказала она.

– Давай в следующий раз тетя Лариса подарит тебе подарок? – пытался успокоить сына Игорь.

– Нет, хочу сейчас! – ныл Илюша.

– Дай ему что-нибудь, – сказал Игорь.

– Что? – начала злиться она. Ей хотелось одного – чтобы они ушли. Оба.

– Я не знаю. Что-нибудь. Придумай.

– Твой сын. Ты и придумай, – огрызнулась Лариса.

В следующий раз – они ходили с Ильей в кино – Лариса поняла, что их всегда будет трое. Игорь ждал, что она будет бегать, прыгать, скакать – веселить и заниматься Ильей. Лариса не прыгала, не бегала, не скакала. Она вообще жалела, что согласилась на этот совместный поход.

– Сейчас мы с тетей Ларисой поговорим, а ты пока поиграй в автоматы, – просил сына Игорь, когда они сидели в кафе после кино и мальчик требовал немедленно встать и поехать домой.

– Ты думаешь, он ничего не понимает? – спросила Лариса, когда Илья убежал.

– Что он должен понимать?

– Что я не твоя знакомая, а любовница.

– Дети об этом не задумываются.

– Почему ты так уверен?

– А ты что, много в детях понимаешь?

Лариса зажалась. Игорь размазал ее лицом по стене. Да, она ничего не понимает в детях, но предполагает, что они не идиоты.

– А ты не боишься, что он расскажет матери? Обо мне.

– Нет, он вспомнит только кино.

– А может, он боится, что ты бросишь его маму? И специально ничего не говорит?

– Не преувеличивай. Ты рассуждаешь как взрослый человек. У детей другая психология.

– А почему ты вдруг стал заниматься сыном? Раньше я за тобой такого не замечала.

– Неправда. Я всегда им занимался. Не тебе судить... – Игорь обиделся.

– Знаешь, в конце концов многие родители разводятся, и ничего. Дети нормальными вырастают.

– А с чего ты взяла, что я разведусь?

– С того, что ты живешь у меня. И вряд ли твоя жена этого не заметила. Да и Илье тяжело.

Он не знает, как на тебя реагировать. То ты его вообще не видел, то вдруг...

– Слушай, ты же не Крупская.

– Если ты намекаешь, что у Крупской тоже не было детей, то да. Но это же видно – Илюша не знает, как себя с тобой вести.

Лариса тоже не знала, как себя вести с Игорем и Ильей. Поэтому не вмешивалась.

– Как ты сидишь? Сядь ровно, – требовал от Ильи Игорь.

Илья пытался усесться за столом и опрокидывал стакан с соком.

– Я же тебе сказал, сядь ровно! – взрывался Игорь.

Илюша начинал сопеть.

– Ладно, ладно, все нормально, хочешь, пойдем тебе игрушку купим? – спрашивал Игорь.

– Хочу, а можно? Ты же сказал, что сегодня никаких игрушек, – удивлялся мальчик.

– Я передумал.

Они шли в магазин за игрушкой. Илья хватал с полки робота.

– Зачем тебе робот? Здесь вообще ничего хорошего нет. Ладно, пойдем, в следующий раз купим. Давай машину на пульте управления?

– Нет, я хочу сейчас! – хныкал Илюша.

– Если ты будешь ныть, вообще ничего не куплю! – начинал кричать Игорь.

Илья плакал над роботом, Игорь ругался, покупал игрушку. Но Илюша не радовался, а продолжал плакать.

– Что ты опять ноешь? Я же купил тебе робота.

– Я хочу машину на пульте управления.

– Невозможно! – уже не сдерживаясь, кричал Игорь. – С тобой невозможно! Больше вообще никуда не пойдем!

Илюша действительно стал плаксив и капризен. Инна переживала и срывалась на Игоря, не находя объяснения такому поведению сына. Игорь пожимал плечами.

Он тоже срывался, считая, что Инна не так воспитывает сына.

– Почему он утром не принимает душ? – спрашивал Игорь.

– Он так привык, – объясняла Инна, – утром он чистит зубы и умывается. Душем он может голову намочить, а сушить некогда.

– По утрам нужно принимать душ, – выговаривал жене Игорь, – и почему у него зубы желтые? Илья, ты зубы чистишь?

– Чищу, – бурчал тот.

– Пойдем в ванную, я покажу, как надо.

Игорь заводил мальчика в ванную и начинал чистить ему зубы. Илья плакал, потому что ему было больно.

– Все, хватит! – с полным ртом пасты плакал Илья.

– Нет, надо хорошо чистить.

Илья, не сдержавшись, проглатывал пасту, после чего его рвало. Игорь бросал щетку и выходил из ванной.

– Ты вообще им занимаешься? – кричит он на Инну.

– А как ты думаешь? – кричала она в ответ. – Я им и занимаюсь. А что ты делаешь? Только орешь и критикуешь.

А Лариса успокаивала себя тем, что Игорь – хороший отец. Она видит, как он любит сына, и наверняка будет так же заботиться об их будущих детях. Даже еще больше. И их дети не будут похожи на Илью. Они будут самыми красивыми и самыми умными.

– Поехали в гости, – предложил как-то Игорь.

– Куда?

– У младшего брата день рождения. Как раз посмотришь на все мое семейство.

– А это удобно?

– Мне удобно, им – не знаю.

– А твоей жены там не будет?

– Нет.

– А как ты меня представишь?

– Как свою секретаршу. Шучу. Слушай, не морочь себе голову. Съездим, поздравим и уедем. На тебя никто и внимания не обратит.

Лариса не хотела ехать. Но ей было интересно. Интересно посмотреть на семью Игоря. Интересно понять, знают ли они что-нибудь про нее. Может, он им говорил, что разведется или, наоборот, не разведется?

– Расскажи мне хоть что-нибудь, – попросила Лариса в машине.

– Про кого?

– Про твою семью. Чтобы я дурой не выглядела.

– Брата зовут Иван. Его жену Лена. Их дочь, мою племянницу, – Ника. Еще наверняка будет тетка – Антонина Матвеевна. Ей семьдесят пять лет.

– А ваши родители?

– Умерли.

– Давай остановимся – цветы купим, – предложила Лариса.

– Зачем? Я бутылку везу.

– Для Лены. Как хозяйке дома.

– Ну давай, если хочешь. Хотя я ее терпеть не могу.

– Почему?

– Увидишь – поймешь.

В квартире было полно народу. Друзья Ивана, бойфренд племянницы... Игорь оказался прав – на Ларису никто не обратил внимания.

Букет Лена бросила на кухонный стол и побежала искать вазу. Зачем шла, естественно, забыла. Все как раз рассаживались. Кому-то не хватило вилок. Лена побежала на кухню за вилкой, увидела букет, вспомнила про вазу, забыла про вилку, пошла за вазой и снова забыла, зачем шла.

За столом Лариса оказалась между Антониной Матвеевной и бойфрендом племянницы.

– А вы, деточка, кто будете? – спросила семидесятипятилетняя тетка.

– Лариса.

– Полюбовница? – незлобиво уточнила Антонина Матвеевна.

– Вроде того, – сказала Лариса.

– А Инку куда дели? – спросила тетка.

– Не знаю.

– Вот и правильно. Дура она. Де-ре-во. – Тетка постучала костяшками пальцев по столу.

– Антонина Матвеевна, вам салатик положить? – спросила Лена.

– У меня, Ленка, от твоих салатиков потом, пардон, запор, – сообщила тетка. – Как росли у тебя руки из жопы, так и растут. Ты мне овощей передай. Мытые, я надеюсь? А то потом глистов выводи.

Лена скорчила гримаску.

Все передавали тарелки, разливали напитки. Антонина Матвеевна брезгливо подцепила вилкой четвертинку помидорки, положила в рот и осторожно разжевала.

– А мне, вашу мать, кто-нибудь плеснет? – спросила тетка.

– Теть Тонь, вам чего? – спросил Иван, отвечавший за спиртное. – Вина? Белого или красного?

– Иван, ты б с Ленкой развелся, что ли? – с сочувствием посмотрела на него Антонина Матвеевна. – Ты на ее гадских салатах совсем память потерял? Водки. Бе-лень-кой.

Иван плеснул тетке водки. Антонина Матвеевна с удовольствием выпила одним глотком, с отвращением откусила огурчик.

– Куда? – остановила она Ивана, который водрузил бутылку на тумбочку.

Иван налил еще.

– Антонина Матвеевна, вам плохо не будет? Все-таки возраст? – сказала Лена. Явно с издевкой.

– Это у тебя возраст, – хлопнула рюмку тетка. – Водки тебе жалко? Зато я не жру. Шикса.

– Теть Тонь, ну что вы, ей-богу? – заступился за жену Иван.

– А ты водку-то оставь, оставь. Мы тут с Лариской поговорим. Она вон тоже не жрет ничего, – сказала Антонина Матвеевна и сама плеснула Ларисе водки.

Лариса выпила. Ей почему-то тоже захотелось именно водки. Есть не хотелось совсем. На тарелке лежала четвертинка помидорки и полоска огурчика. Попросить салат она постеснялась, а овощи благодаря странной тетке стояли рядом. Она боялась, что Антонина Матвеевна начнет ее расспрашивать, но тетка вырубилась. Прикрыла глаза и как будто заснула.

– Не парься, как говорит сейчас молодежь, – сказала она Ларисе перед тем, как заснуть, и похлопала ее по коленке. Рука у тетки оказалась тяжелой.

Разговор за столом шел о Нике, которая перекрасилась в черный цвет и сделала красные перья, и о ее новом бойфренде.

– Господи, Никочка, на кого ты похожа? – причитала Лена. – Такие волосы красивые были... А вы где-то учитесь или работаете? – обращалась она к бойфренду. Лариса так и не услышала, как его зовут.

– Ма-а-ам, – тянула Ника.

Иван общался с Игорем и другом. Соображали виски на троих.

– Игорь, хватит хлестать вискарь, у тебя баба новая и молодая, – очнулась Антонина Матвеевна от дремоты. – Ленка, заткнись! Пусть красится. Хоть чем-то от тебя отличаться будет.

А то я вас раньше со спины не отличала. Две одинаковые разъетые жопы. Теперь нормально – ты почти лысая, а эта – черная.

Лариса догадалась, что тетка не спала. Или спала, но все слышала. Лариса выпила еще стопку и на всякий случай долила Антонине Матвеевне.

– А ты жидовочка? – ласково спросила тетка.

– Нет, – ответила Лариса.

– А вот это зря. А ты кто?

– Подруга Игоря.

– Полюбовница, что ли? А куда Инку дели?

– У нее провалы в памяти, – шепнула Ника Ларисе.

– Это у тебя провалы, – услышала комментарий Антонина Матвеевна, – не помнишь, с кем в постель ложишься. Рот закрой, а то я твоему хахалю такие провалы про тебя продемонстрирую, мало не покажется.

– Теть Тонь, – застонала Ника.

Лариса разглядывала Антонину Матвеевну. Больше всего ее поражало то, что у тетки тряслись руки в спокойном состоянии. Но стопку она держала крепко. Впрочем, как и вилку с огурчиком.

Когда все, выпив и закусив, пошли курить на кухню, букет, который Лариса подарила Лене, так и валялся на столе. Лариса тоже пошла на кухню, благо Антонина Матвеевна опять заснула. Свой букет она переложила на стул – Лена таскала грязные тарелки. Лариса хотела попросить вазу, чтобы самой поставить цветы, но решила, что это не ее дело.

На кухне собрались женщины. Был объявлен перерыв перед подачей десерта. Лена и Ника резали торт, мыли тарелки, рвали целлофан на коробках с конфетами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.